

О.М. Рындина

СИСТЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОФОРМЛЕНИЯ МЕХОВЫХ ИЗДЕЛИЙ В КУЛЬТУРЕ НЕНЦЕВ

Материальной культуре коренных народов Сибири в отечественной историографии второй половины XX в. было уделено значительное внимание. При этом наиболее плодотворно зарекомендовали себя сравнительно-исторический и типологический методы. На основе разработанных типологий выявлялись историческая динамика и культурные контакты применительно к разным компонентам подсистемы жизнеобеспечения. Не стала исключением и традиционная культура ненцев. Ее тесная связь с оленеводством предопределила особую представительность в предметном ряду культуры изделий из оленьего меха. Наиболее полно в литературе отражены меховая одежда и утварь ненцев. Анализ традиционного костюма содержится в обстоятельных работах Н.Ф. Прытковой [1970] и Л.В. Хомич [1966, 1970], статьях И.А. Карапетовой [1983] и Е.Г. Федоровой [1988], построенных на основе полевых материалов и музейных коллекций. Рассматривается в них и декор одежды.

Он вписан в контекст порубежья материальной и духовной сфер культуры, поскольку балансирует на подвижной грани практической целесообразности, обусловленной физическими свойствами материалов, и нецелесообразного излишества, продиктованного ментальными установками. К декоративно-прикладному искусству народа как нельзя лучше применимо положение о практической нецелесообразности как критерию этнокультурной классификации. В культуре «пригодным оказывается лишь то из всей совокупности пригодного, что удовлетворяет также и требованиям символической классификации. Другими словами, пригодным никогда не бывает все то, что реально таковым является. Только в том случае, если на данный континуум наложены запреты, ограничения, игнорирующие физические свойства вещей, есть смысл говорить о данной системе как о принадлежащей к сфере культуры» [Байбурин 1983: 33].

Попытаемся взглянуть на традиции ненцев в художественной обработке меха сквозь призму дихотомии целесообразного и неце-

лесообразного и понять причину ее возникновения. Для этого предстоит реконструировать базовые принципы художественного оформления изделий из меха. Свои реконструкции начнем с одежды, поскольку сведения о ней наиболее полны в территориально-хронологическом аспекте.

Особенно красноречивы сведения о традиционном женском костюме. Обратимся к некоторым из них. В.Ф. Зуев, перу которого принадлежит первый значительный труд по ненцам, так описывал женские «платья» XVIII в. в Березовском уезде: они «всегда бывают из суконных лоскутков, на груди и на спине из неплюевой кожи. Сзади и спереди навешено несколько лоскутков из оленьей кожи, также и сукон, кругом имеются по платью три кунды (опушки) из разных лучших зверей; спереди не застегиваются, но подпоясываются ремнем» [Зуев 1947: 28]. К этому же времени и району относятся сведения о женских шубах из оленьих шкур: «вверх шерстию, испестренные по подолу кругом разных цветов сукнами нешироко» [Андреев 1947: 98]. О мезенских самоедах XVIII в. известно, что вся их одежда изготавливалась «из кож главного их зверя — оленя», а «щегольство самоедок состоит в красных лоскутках суконных и в медных ширкунцах; лоскутами делают они пеструю свою верхнюю одежду для приятности зрения» [Лепехин 1805: 227–228].

В убранстве женской одежды XIX в. наблюдались те же приемы. В мезенской тундре шуба-паница была украшена «узорами из белых и темных оленьих лапок, опушена волчьим, лисьим и собачьим мехом, а у богатых даже соболем и бобром (панды) и нашитыми разноцветными суконными лоскутками и маленькими погремушками» [Иславин 1847: 31]. На Печоре шуба самоедок отделялась «лоскутками звериных шкур и сукна разных цветов» [Латкин 1853: 4]. На Ямале ягушкушили «из полосок неплюя, собачьей белой и черной шкуры, бобра и разноцветного сукна» [Кушелевский 1868: 60]. В Обдорском крае бытовала ягушка, «подбитая оленьим мехом, а снаружи украшенная собачиной и полосами разноцветного сукна» [Бартнев 1896: 131]. Оригинальная информация относится к Тобольской губернии. В качестве верхней женской одежды здесь зафиксирована не шуба, а «малица», обшита суконными лоскутками ярких цветов [Дмитриев-Мамонов, Голодников 1884: 13].

По сведениям начала XX в., в женской меховой одежде ненцев все чаще фигурировала орнаментальная отделка. Фотографии, сделанные К.Д. Носиловым на Новой Земле [Носилов 1903: 88, 201], демонстрируют шубы, у которых верхняя часть сшита из камуса

и отделана на рукавах и на стане мозаичными узорами в виде вытянутых сухариков и зигзага. А.А. Дунин-Горкавич, описывая костюм самоедов Тобольского Севера, сообщает о женской шубе из оленьего меха, украшенной «узорчатой вышивкой из лап неплюя» [Дунин-Горкавич 1911: 84]. Г.А. Старцев отмечает большую узорность женской и детской одежды по сравнению с мужской и характеризует эти узоры как меховую мозаику из оленьих шкур, приводя образцы орнаментов и их названия [Старцев 1930: 50–51, рис. 2].

Таким образом, по свидетельствам современников, в декоре ненецкой шубы XIX–XX вв. преобладали опушки и суконные полосы на подоле, свисающие кусочки меха и сукна в верхней части. Этнографическое изучение одежды с учетом кроя и используемых материалов, предпринятое Н.Ф. Прытковой [1970] и Л.В. Хомич [1970, 1976], подтверждает достоверность такого наблюдения. Обе исследовательницы более древней считают женскую шубу *пена паны*, сшитую в верхней части из мелких кусочков камуса, а в нижней составленную из чередующихся полос меха и сукна. Самой архаичной разновидностью подобной шубы Л.В. Хомич считает зафиксированную в Канинской тундре и отмеченную также в Тиманской, Малоземельской и Большеземельской и на о. Колгуев. Верхняя часть этой одежды сшита из кусочков меха белки, бобра, лисицы, украшена свисающими полосками меха и сукна, скрученными у основания и вставленными в швы. Нижняя часть состоит из горизонтальных полос оленьего и собачьего меха, разделенных суконными вставками. Воротник из меха песка или красной лисицы. Очевидно, наиболее значимой для самих ненцев являлась верхняя часть из составного меха, так как общее название шубы — *лидинг паны*, *таряв паны* — ‘бобровая паница’, ‘беличья паница’.

Шубы *не паны*, характерные для XX в., **шились из больших** полотнищ оленьего меха и имели две полки, спинку, рукава с ластовицами, пришивные борта и подол. Иной материал и покрой внесли существенное изменение в убранство одежды. При наиболее простом варианте оно заключалось в соединении частей одежды из меха разного цвета, чередующихся в шахматном порядке. Усложненный вариант декора состоял в добавлении узких полосок белого и темного меха или сукна, вшиваемых вдоль плеч, по низу рукавов, между станом и пришивной полосой на полах и подоле, что совпадает с обско-угорской орнаментальной композицией на аналогичных по покрою шубах. Наиболее нарядно выглядят шубы, у которых вместо простых полос наблюдаются ленты мозаичных полос с замыслова-

той конфигурацией орнамента. Красный кант из сукна, вставляемый в узорную линию, разнообразит цветовую палитру изделия.

Как видим, описания путешественников и исследователей и этнографические изыскания весьма четко воссоздают эволюцию декора на женских шубах у ненцев. Самое древнее их убранство предполагало цветовое чередование мелких шкурок зверей, придающее изделию пеструю палитру; использование разнородной меховой фактуры (гладкий и пушистый мех) и различных материалов (мех, ровдуга, которую заменило сукно). В одежде, сшитой из шкурок мелких пушных зверей, Л.В. Хомич увидела следы архаики, сохранившейся со времени проживания предков ненцев в таежной зоне [Хомич 1970: 94], и с этим положением трудно не согласиться.

Основополагающее правило оформления меховых изделий ненцев сохранилось при переходе к другим материалам и новационным формам женской одежды и обусловило практическую нецелесообразность технологии декорирования. Так, опушка из собачьего меха у шубы сшивалась из отдельных кусочков [Рафаенко 1983: 201–202]. Суконные ленты, расположенные между меховыми полосами на подоле шубы, также состояли из предварительно нарезанных разноцветных лоскутов сукна. Такая технология заметно повышала трудоемкость изготовления одежды, зато вполне соответствовала декоративным канонам. Появившаяся позднее нашивка к меховой одежде воспроизвела правила декора на новом материале — сукне. Старинная разновидность суконной паницы у канинских ненцев шилась из узких полосок сукна разных расцветок [Хомич 1970: 111].

Приоритет цвета в декоре ненцев на меху, сохраненный при знакомстве с новым материалом — сукном, обусловил значительное усиление цветовой палитры традиционного костюма. Лоскутки сукна стали его неотъемлемой частью, ибо даже бедные самоедки не могли «отказать себе в удовольствии увешаться красными и желтыми суконцами и звонкими побрякушками, платя за них втридорога русским и зырянам» [Иславин 1847: 32]. Сочетание разноокрашенных кусочков меха и ярких суконных лент создало то декоративное своеобразие ненецкой одежды, которое было отмечено путешественниками XIX — **начала XX в. как национальное. «Трудно передать, на что похожа самоедка в своем национальном костюме: что-то пестрое, яркое, пушистое и лохматое»** [Бартенев 1896: 131].

Внедрение больших полотнищ оленьего меха также сказалось на декоративном убранстве одежды. Детали кроя стали однотонными,

однако традиционная линия на «испестрение» одежды не исчезла, а приобрела видоизмененные формы. Во-первых, цветовое сочетание воплотилось в шахматном чередовании темных и светлых конструктивных деталей кроя. Во-вторых, стремление к разноцветию костюма проявилось в предпочтении пестрых оленьих шкур, идущих на стан одежды, что нередко шло в ущерб утилитарной целесообразности. На это обратил внимание В.П. Евладов в своих дневниках: «из пешек первого года забиваются преимущественно “хорки”, самцы, но немало забивается также и самок, причем в причинах убоя самок оленеводы часто указывают такой “несерьезный” мотив — “хорошая шкура”, то есть красивая, пестрая или несколько своеобразного цвета, лучше ей красоваться на верхней одежде хозяйина или хозяйки, чем в стаде в виде племенного материала» [Евладов 1992: 228]. В данном случае за тонко подмеченной «несерьезностью» скрывается мощное воздействие культурной традиции, в данном случае в области декора.

Разноцветность частей меховой одежды нередко дополнялась узкими контрастными полосками меха, вшиваемыми в линии конструктивных швов. В этих же местах локализовались и сложные мозаичные орнаменты, замкнувшие цепь декоративных превращений, наблюдаемых на шубах.

Таким образом, развитие художественной отделки на женской меховой одежде у ненцев прошло следующие этапы: сборный мех — шахматное чередование по цвету деталей кроя — орнаментация. Материалы, касающиеся декора традиционного мужского костюма ненцев, менее представительны, но и в них проступают следы аналогичного эволюционного пути.

Глухая меховая одежда ворсом наружу — *савак*, *соок* — демонстрирует два подхода к отделке. Первый реализуется в полосках цветного сукна с нашитыми на них полосками белого оленьего меха, вшиваемыми в боковые швы одежды спереди и на спинке. На манжетах ворсовая сторона меха обращена внутрь, а снаружи данная деталь обшита сукном. При этом цвет отделочного сукна на полосках и манжетах совпадает. Второй подход заключается в шахматном чередовании темного и светлого меха у деталей кроя. В обоих случаях точку в убранстве совика ставит опушка капюшона, сшиваемая из песцовых хвостов, и панда из светлого собачьего меха.

«Щегольским» вариантом гуся (совика) назвал обдорскую парку В. Баргенов и отметил, что она «шьется из тонких оленьих шкур,

большей частью снежно-белого цвета, причем вшиваются куски других цветов, а также разноцветное сукно. Узоры получаются очень оригинальные и красивые. Вообще я редко видел другой зимний костюм, который был бы красивее парки» [Бартенев 1896: 18]. Убранство парки на Ямале концентрировалось на подоле. Здесь идут «узорчатые каймы, сделанные из кусочков разноцветных оленьих кож и разноцветного сукна, а самые кунды вверху обшивают бобровыми полосками». Примечательна информация о том, что парка обычно шилась из темных неплюев, но богатые самоеды предпочитали образцы, изготовленные из пестрых шкур [Кушелевский 1868: 60]. Самые нарядные экземпляры описываемой одежды имели орнаментальную отделку не только между станом и пандой, но и по краям обшлагов и лицевой части капюшона. Последний выкраивался из лобной шкурки оленя, тоже предполагавшей декоративную отделку. Глазные отверстия зашивались полосками светлого меха и красного сукна в качестве канта, а к ушкам прикреплялись кисточки из разноцветного сукна.

Как видим, не только женская, но и мужская одежда была «испестрена» кусочками меха и сукна, присутствовали здесь и шахматное чередование по цвету деталей кроя, а также мозаичные полосы и более сложные орнаменты. Однако главной чертой декора мужской одежды в начале XX в. оставалось **цветовое разнообразие**, достигаемое за счет применения мелких полосок сукна и меха. Это описано пером такого тонкого наблюдателя, как К.Д. Носилов: «...мы оба сидим у костра, щеголяя отчаянно расшитыми костюмами, где самоедский вкус употребил все цвета сукон и лоскуты всех зверей» [Носилов 1903: 266].

Несколько особняком стоит убранство малицы — глухой меховой одежды ворсом внутрь. Ее отделка либо сосредоточена вокруг конструктивных швов и имеет вид узких полосок из сукна черного, красного и зеленого цвета, проложенных в швы или нашитых поверх них, либо концентрируется между подолом и пандой. Здесь нашивались семь чередующихся черно-белых полос меха, отдельные полоски цветного сукна или узорная полоса меховой мозаики. На фоне ровдужного верха малицы ворсистая поверхность меха вокруг капюшона (или ворота) и у панды усиливала эстетичность изделия. Ненцы предпочитали для такой отделки темный или даже черный мех: «...чем чернее пыжики на отворотах, тем дороже и щеголеватее малица» [Латкин 1853: 4]. Кроме оленьего меха для панды применялся соболий и волчий [Абрамов 1857: 334], а также белый собачий

[Кушелевский 1868: 59]. Опушка к капюшону делалась из белого песка или оленя.

Поверх малицы носилась наверхуца. Изменения, происходившие в ее убранстве, несут на себе отпечаток декоративных превращений, затронувших меховую одежду ненцев. В XVIII в. описаны наверхуцы, которые «иногда шеголи делают из лоскутков разных сукон и опушивают кундами из собачьей белой шкуры или песцовыми хвостами» [Зуев 1947: 24]. Позднее наверхуца кроилась из больших полотнищ ткани с соблюдением принципа разноцветности деталей. Большое внимание уделялось и орнаментальной отделке. Хлопчатобумажные наверхуцы, распространенные в XX в., почти утратили следы художественного убранства за исключением контрастной полосы по краям изделия.

Суммируя материалы по отделке ненецкой малицы и ее чехла, можно заключить, что здесь нашли отражение как общие черты декора меховой одежды, так и своеобразные. Первые представлены в оформлении подола, капюшона или ворота, вторые проявляются в канте и аппликативных полосах из цветного сукна, расположенных вдоль конструктивных швов стана. Возможно, появление этих полос восходит к чисто утилитарной традиции — прокладке швов оленьим волосом в целях теплоизоляционных свойств одежды, на которую обратил внимание Б.М. Житков [1913: 286].

Главным убором для мужчин у ненцев служил капюшон или платок. У женщин эту функцию выполнял двойной капор из оленьего меха — *сава*, *саво*, признанный самым «замечательным» элементом одежды. Он кроился из широкой полосы, проходящей поперек головы; вставки на макушке из лобной шкурки олененка и задней части, полукругом спускавшейся на спину. В местах соединения всех трех частей вставлялись либо чередующиеся по цвету узкие полоски меха, либо узорная лента меховой мозаики. Декор шкурки с оленьего лба подобен описанному у капюшона. Капор имел роскошную опушку, на которую шло до пяти песцовых хвостов либо белый собачий или олений мех, отчего лицо женщины было точно «окружено сиянием кругов вершков на пять» [Бартенев 1896: 131]. Для удержания капора на голове к нему сзади подвешивались всевозможные побрякушки: медные круги, колокольчики, бусы. Как можно заметить, каких-либо оригинальных декоративных элементов капор не обнаруживает: разноцветные лоскутки сукна, различная фактура меха, полосовой и фигурный мозаичный орнамент — все это фиксируется и на других элементах мужской и женской одежды.

Женская и мужская меховая обувь, сшитая из разноцветных полос камуса, хорошо вписывается в декоративные каноны, выработанные ненцами на меху. Наиболее наглядное подтверждение тому дают материалы по сибирским лесным ненцам. По способу украшения их мужская обувь подразделяется на четыре типа. *Матама нема* — ‘узорная обувь’ имеет полосы меховой мозаики в центральной и боковых частях голенища. Это самый декоративно насыщенный тип, поскольку орнаментальные мотивы обнаруживают замысловатую конфигурацию. *Патва нема* — обувь, у которой в швы на голенище вставлены узкие полоски камуса, числом до семи. *Дяруты нема* — декор этой обуви состоит в чередовании темных и светлых полос камуса, составляющих изделие. *Нема ченкак* характеризуется однотонной центральной полосой на голенище; украшением обуви является контрастная по цвету ромбовидная вставка на носке между союзками [Карапетова 1983: 47–48].

Не противоречит художественной традиции, выросшей из сборного меха, и убранство ненецких сумок для рукоделия и мешков, обладающих солидным семантическим зарядом. Эти вместилища служат для хранения «женского скарба, работ, украшений, талисманов, кукол и предметов культа» [Журавский 1911: 18]. В XVIII в. «для поклажи запасного и хорошего платья, также самых лучших в своем имени вещей» мезенские самоеды употребляли сумки, сшитые из ровдуги или птичьей кожи [Лепехин 1805: 228]. В начале XX в. у европейских ненцев встречались сумки и мешки, сшитые из шкурок лисицы, песца, бобра, тюленя, нерпы, белки, куницы, соболя, горностая, эффектно украшенные «копытцами новорожденных олешков», а также изготовленные «из шкурок фиолетово-зобой полярной гагары... или из шкурок мелких зверьков — лемминга и земляной белки (бурундука)», или из налимьей кожи [Журавский 1911: 19].

Однако уже в это время большое распространение получили меховые вместилища, сшитые из оленьего камуса. Их декоративное убранство состояло преимущественно в шахматной орнаментации, но встречались и несложные мозаичные узоры, аналогичные обско-угорским образцам. Отход от традиционного ненецкого убранства и его эволюцию в сторону усиления орнаментальности А.В. Журавский определил как «вырождение... исторической стилистики» [Там же].

Путь от сборного меха к шахматным узорам и более замысловатым орнаментам прошло декорирование сумочек и у сибирских ненцев. У тундровой группы и в XX в. существовал шахматный рисунок и несложные мозаичные орнаменты, исполненные на изделиях из

оленьего камуса. Более того, композиция мозаичных узоров на сумочках *туця* строилась в соответствии с конструктивными особенностями сумочек из налобной шкурки оленя. Узоры идут по краю, подчеркивая овальную форму стенок, и образуют наклонные полосы или треугольники в местах глазных отверстий. Эта же композиция наблюдается и у европейских ненцев. Лесные сибирские ненцы, в культуре которых сохранилось больше архаичных черт, чем у тундровых, не украшали орнаментом *туця*. И, наконец, о вторичности мозаичных орнаментов в декоре меховой утвари ненцев свидетельствует загадка о *туця* — «старуха из ста заплата» [Старцев 1930: 151], запечатлевшая традицию изготовления сумочек из сборного меха.

Итак, наиболее архаичным среди способов художественной отделки меховых изделий у ненцев следует признать цветочное чередование разноокрашенных мелких кусочков меха: шкурок с лапок, ушек, хвостиков. Для изготовления сборного меха использовались и шкурки с ног и ушек оленя. Проникновение в область меховых изделий оленьих шкур сначала вполне соответствовало традиционным нормам, однако впоследствии этому материалу суждено было начать новый этап в эволюции ненецкого творчества.

Использование больших полотнищ оленьего меха освободило мастериц от необходимости кропотливого изготовления составного меха. Широкое внедрение нового материала, обусловленное выходом в тундру предков ненцев, изменило покрой и внешний вид женских шуб [Хомич 1976: 85–89], но оказалось не в состоянии покончить с декоративными постулатами, утвердившимися при иной технологии пошива одежды. Компромисс между новым материалом и покроем, с одной стороны, и стойкостью художественной традиции — с другой, был достигнут простым и оригинальным способом — цветовым чередованием деталей кроя и использованием шкур пестрой расцветки. Этот прием декоративной отделки прослеживается у всех групп этноса на различных атрибутах меховой одежды. Разноцветие ненецкой одежды усилил и такой новационный материал, как сукно. Оно вставлялось в конструктивные швы, потеснив здесь контрастные полосы меха, а также использовалось в качестве свисающих лент, заменив ровдугу.

При использовании камуса в качестве материала для изготовления одежды традиция сборного меха трансформировалась в простейшие орнаментальные формы. Этнокультурные контакты с обскими уграми стимулировали этот процесс. Вместе с тем орнаментальная отделка меха так и не стала преобладающим средством декорирования

ния вплоть до XX в., когда у отдельных групп этноса наметилась тенденция к усилению орнаментальности в декоре на меху.

Имея дело с цветовыми вариациями меха в течение не одного столетия, вкус народа оказался отточенным здесь до совершенства. Прекрасное чувство цвета ненецких мастериц при подборе ими различных деталей меховой одежды стало этническим определителем их художественной культуры. На это указывали искусствоведы [Рафаенко 1983: 201] и путешественники, отмечавшие, что «умелый — то веселый, то строгий — подбор темного и светлого меха... не мешает каждой ягущке быть совершенно собой, совсем не похожей на другую» [Синицин 1960: 86].

Более того, примат цветовой «испестренности» в декоре меховых изделий трансформировался в мировоззренческую составляющую. Понятие рукотворной красоты как видового признака человека применительно к женщине ассоциировалось именно с пестрым цветом. Об этом свидетельствует ненецкая песня жениха, где в числе прочих достоинств невесты восхваляется ее рукоделие, символом которого выступает пестрая одежда из меха:

«Чум поставлен,
В этом чуму
Молоденькая девушка есть.
Лицо беленькое,
Руки очень ловкие,
Парка пестрая. Эту девушку возьму,
Сколько платы — не пожалею»
[Третьяков 1869: 400].

Цветовые предпочтения, обусловленные спецификой художественной отделки меха, вошли составной частью в гетеростереотип ненцев, сформировавшийся у соседних народов. Так, в хантыйской песне об одном из наиболее почитаемых ими божеств тонко подмечено особое пристрастие ненцев к пестрому. Герой, предлагая свою помощь при разделе многотысячного оленьего стада, обращается со словами:

«Северные ненцы,
Много мужчин,
(Если) пестрых нужно —
Пестрых поймаю.
Темных нужно —
Темных поймаю»
[Молданова 1994: 60].

На волне роста национального самосознания, тяги к исконным традициям и их возрождению, наблюдаемой с 1990-х гг., вновь актуализировалась система художественной отделки меха, основанная на цветовых сочетаниях. На один из фольклорных фестивалей, устроенный национальной интеллигенцией, на конкурс национальной одежды ненецкая женщина привезла ягушку, долгие годы пролежавшую в нарте бабушки. Она стеснялась демонстрировать шубу, разительно отличающуюся от современных вариантов одежды [Харючи 2001: 187]. Речь идет о шубе, декорированной по канонам архаики. Разъяснения этнографов и национальной интеллигенции о данной декоративной системе как этнически специфичной привели к возрождению практически утраченных традиций. Появление женщины в «испестренной» мехом и сукном шубе уже перестало быть редкостью на регулярно проводимых Днях оленевода, о чем свидетельствуют материалы альбома «Узоры северного сияния» [Узоры... 2005: 35, 39, 121 и др.].

В заключение хочется отметить следующее. Система эстетизации меховых изделий, восходящая к традиции сборного меха и основанная на цветовых вариациях различных материалов, продолжала бытовать даже в условиях рассогласованности с утилитарной целесообразностью, поскольку укоренилась в этнической картине мира, в частности в образе самого народа. Современная рефлексия национальной интеллигенции по поводу этнической культурной инаковости вновь актуализировала художественные традиции народа в области изделий из меха. Рассмотренный сюжет недвусмысленно свидетельствует, что этническая культура транслируется и функционирует не только благодаря принципу целесообразности, но и благодаря принципу нецелесообразного излишества — своеобразному отзвуку ушедшей архаики.

Библиография

- Абрамов Н.* Описание Березовского края // Записки РГО. СПб., 1857. Кн. 12. С. 327–448.
- Андреев А.И.* Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных инородцев // СЭ. 1947. № 1. С. 84–103.
- Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Бартенев В.* На крайнем северо-западе Сибири. СПб., 1896.
- Дмитриев-Мамонов А.А., Голодников К.М.* Памятная книга Тобольской губернии за 1884 г. Тобольск, 1884.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911. Т. 3.

Житков Б.М. Полуостров Ямал // Записки РГО. СПб., 1913. Т. 49.

Журавский А.В. Евразийский русский Север: к вопросу о грядущем и прошлом его быта. Архангельск, 1911.

Зувев В.Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Василием Зуевым // ТИЭ. Нов. серия. М.; Л., 1947. Т. 5.

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень, 1992.

Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.

Караетова И.А. Одежда лесных ненцев // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 45–49.

Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ямал. СПб., 1868.

Латкин Н.В. Дневник во время путешествия на Печору // Записки РГО. СПб., 1853. Кн. 7. Ч. 2.

Лепехин И.И. Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 году. СПб., 1805. Ч. 4.

Молданова Т.А. Сын в одежде из шкур водяного зверя // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1994. Вып. 1. С. 55–68.

Носилов К.Д. На Новой Земле. М., 1903.

Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 1–99.

Рафаенко В.Я. Народные художественные ремесла Тюменской области // Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. М., 1983. С. 200–220.

Синицин М.С. По ненецкой земле. М., 1960.

Старцев Г. Самоеды (ненча). Л., 1930.

Третьяков П. Туруханский край // Записки РГО. СПб., 1869. Т. 2. С. 215–530.

Узоры северного сияния. Салехард; СПб., 2005. Т. 2: Самодийские народы.

Федорова Е.Г. Украшение верхней плечевой одежды народов Сибири (ханты, манси, ненцы, энцы, нганасаны, кеты, эвенки, эвены, чукчи, коряки) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сб. МАЭ. Т. 42. Л., 1988. С. 86–104.

Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX в.). Томск, 2001.

Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. Л., 1966.

Хомич Л.В. Одежда канинских ненцев // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 100–121.

Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.